

П. В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств

**ВОПЛОЩЕННАЯ УТОПИЯ
КАК ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ**

Жеребин А. И. Место встречи — утопия. Из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с.

На перекрестках литературных явлений, стилей и жанров неизбежно возникают новые смыслы, позволяющие не только осознать прошлое, но и заглянуть в желаемое и полуреальное будущее. Однако обнаружить духовно-ментальные совпадения высшего порядка, уловить в частотных вибрациях национальных смыслов пульсацию вневременного и общего семиотического пространства литературы — задача для отечественной германистики как новаторская, так и требующая глубокого духовно-философского погружения.

Еще Н. Я. Берковский говорил в своих лекциях, что нечуждые совпадения в мировой литературе — самое увлекательное и труднообъяснимое. «Немецко-русский свертхтекст» с удивительной новизной и полифонией, воссозданный в книге ведущего отечественного германиста А. И. Жеребина, призван проследить, как на стыке двух культур генерировались и развивались сверхчувственно-эстетические связи, возникали в едином пространстве диалога новые транснациональные утопии, на которые откликались по обе стороны диалога политики, писатели, поэты, психоаналитики, композиторы, искусствоведы. Четыре сюжета объединяют собрание очерков, которые были написаны за последние десять лет: герменевтические вопросы перевода или, используя метафору Гете, «границ непереводаемого» («Герменевтическая утопия»); утопия «Третьего царства», как мечты об идеальной духовной реальности («Вокруг „Третьего царства“»); проблема диалога между сознательным и бессознательным («Русский спор с Фрейдом»); взаимоотражение революционных идей в немецком и русском сознании («Империя и революция»).

На широком литературно-историческом поле двухсотлетнего взаимодействия культур, обозначенного автором как эпоха модернизма, перед читателем разыгрывается не просто драма идей и концепций, а инициируется плодотворный диалог о «духе утопии», в котором сам модернизм рассматривается как утопическое явление, где из пространства реальной жизни («сферы возможного») намечены пути и импульсы в зону «контакта с абсолютным будущим, в эсхатологическую перспективу спасения» (ЖЕРЕБИН 2023: 8).

Книгу отличает не только междисциплинарный подход и полифония цитат (включая новейшие исследования западных коллег), суждений и спектр мнений. Воссоздание литературно-художественного климата эпохи, на первый взгляд, хорошо знакомого недавнего прошлого, предельно документально и конкретно. Писатели и философы, художники и политики, связанные личными пристрастиями и отношениями не только в разных странах, но и на континентах, находились в едином пространстве мировой культуры. Детали и подробности — то, что сегодня почти не встречается в работах молодых ученых, — качество, которое много лет сообщает академическую полноту и основательность исследованиям А. И. Жеребина. Объединенные единым исследовательским сюжетом, очерки ступенчато демонстрируют диалектические сходства и противоречия литературных тенденций в едином поле модернизма, где интенция к утопической эсхатологии лишь возрастает со временем.

Подобный вектор движения авторской мысли, подчиняющей идеальной логике все очерки, собранные под одной обложкой, более чем оправдан, если в исторических, социальных и духовных трагедиях народов разных культур видеть общие экзистенциально-утопические проблемы, на которые, как показывает история мировой литературы, писатели и поэты откликались сходными мыслью образами. И здесь в обновленном ракурсе возникает проблема перевода, которой посвящен первый раздел книги. Отгалкиваясь от утопии *мировой литературы*, где, с точки зрения Гете, эстетический идеализм будет доминировать над политикой и социологией, а мир станет единым художественным произведением, автор приводит в качестве оппози-

ции статью Эриха Ауэрбаха *Филология мировой литературы* (1947), где предсказывается рождение транснациональной литературы и прогнозируется фактическое бессилие филолога в попытке охватить целое, а также утрата смысла в поиске синтеза литератур.

Важнейшая дихотомия «наука — миф» и сегодня трудноразрешима в литературоведении: от герменевтической утопии «мировой литературы» сюжет книги движется к герменевтическому осмыслению вопросов теории перевода, а на первый план выходит не только оппозиция «свое / чужое», где, по Ю. М. Лотману, возникают новые смыслы и запускается машина «текстобразования», но и возникают новые переводческие «коды» культуры. Проблемам трансфера культурных кодов в русской литературной традиции А. И. Жеребин посвятил множество статей; в рецензируемой же новой книге мы видим квинтэссенцию проблематики: «Перевод есть культурный механизм, реализующий герменевтический акт понимания» (ЖЕРЕБИН 2023: 45).

Творческое преобразование оригинала есть по сути расширение границ исходного текста, и тогда возможно его обретение в пространстве отечественной литературы: чужое благодаря переводчику присваивается, возникает феномен «второго оригинала». Ценность и острота очерков, освещающих с разных ракурсов проблему не столько перевода, сколько интерсемиотического трансфера, состоит в многогранном сопоставлении герменевтических установок Х.-Г. Гадамера и М. М. Бахтина, ведущих теоретиков советской школы перевода, таких как А. В. Федоров, и французских постструктуралистов Ж. Жанетта и Р. Барта. Практическим же осмыслением проблем перевода и, что не маловажно, личности переводчика служит анализ забытой сегодня работы Ю. Н. Тынянова «Блок и Гейне» (1921). Может ли искусство победить жизнь? Способна ли поэзия смоделировать иную, лучшую реальность? Стоящие, по словам Ю. Н. Тынянова, «на разных полюсах поэзии» Блок и Гейне представляют тем не менее, по мысли А. И. Жеребина, «полюса одного энергетического поля» (*ibid.*: 87), той самой «макроэпохи модерна», где утопия литературы как жизнетворчества, спасительного преосуществления жизни едва ли возможна.

Идея «Третьего царства», о котором грезил немецкие романтики, от Новалиса до Гельдерлина, обнаружила свои утопические переключки в работах Вяч. Иванова и С. Л. Франка. Статьей о романе Гельдерлина *Гиперион* в контексте поиска Царства Божия открывается второй раздел книги, в котором также находим осмысление идей Ницше о синтезе духа и плоти в интерпретациях Томаса Манна и Дмитрия Мережковского, грезы о «святой русской литературе» через призму взглядов Тонио Крегера и проблем гуманизма в духе Толстого и Достоевского, как понимал их немецкий классик, мечтавший оказаться за столом у русского самовара и называвший себя Фома Генрихович.

На подступах к третьему разделу книги, который посвящен диалогу с Фрейдом и юнгианским вариациям сознательного и бессознательного в России, тональность очерков меняется. В предгрозовом воздухе Европы уже явственно витает не только угроза фашизма, но возникает и проблема духовной несвободы, породившая тот самый уход в сферу сверхчувственного и бессознательного, что привлекало русских символистов, а также философов Л. И. Шестова, С. Л. Франка, Вл. Соловьева и других. Со временем возник любопытный парадокс: если Фрейд смотрел на все русское через призму Достоевского, то впоследствии в России начали воспринимать поступки героев писателя «по Фрейду». Однако верно и то, что русский «психотип» привлек австрийского исследователя по причине почти полного отсутствия барьера между сознательным и бессознательным. Это удивительно глубокое замечание Лу Андреас Саломе находим на стр. 247. Дальнейшее рассмотрение фрейдизма в русской культуре 20-х гг. XX в. вновь подводит к неутешительным итогам: подчинить практическую жизнь творимому новому искусству («poiesis»), обретя власть над бессознательным и создав единое произведение искусства «Gesamtkunstwerk», невозможно. Накануне Октябрьской революции подобные голоса звучали все глуше и осуществить этот поистине «революционный» замысел оказалось непосильной задачей.

Юнгианский подход к исследованию природы русского символизма показан в очерке «Второй транс. К истории русского юнгианства» на примере ушедших в забвение работ Эмилия

Метнера, Андрея Белого и Рудольфа Штейнера, которые известны сегодня лишь узкому кругу специалистов. История литературных взаимосвязей всегда является историей и личных отношений: связи Эмилия Метнера с кругом русских антропологов, Андреем Белым, — все это выразительно рисует духовный климат тогдашней России. На острие полемики с Фрейдом возникает первая работа Бориса Вышеславцева, стремившегося, как показано в очерке, доказать возможность дальнейшего преобразования юнгианской идеи русской религиозной мыслью.

В разделе «Империя и революция», самом драматичном в исследовании, детально анализируется сходство и различие имперских утопий Германии и России, роль Бисмарка в становлении имперских идеалов, в работах которого автору видятся как утопические, так и фаталистические ноты. Его *Мысли и воспоминания* (1898) сопоставляются с герценовским романом *Бывшее и думы* в русле эстетических и исторических обобщений. Думается, что на метатекстовом уровне сходство не ограничивается: семиотические подходы последних десятилетий продемонстрировали возможность видеть в тексте не только открытый финал, но и «открытое произведение» в целом (У. Эко), когда перекодировка и включение его в иной культурно-исторический контекст не только возможны, но и желательны. Так происходит с попыткой прочтения раннего рассказа Франца Кафки *Приговор* (1913) в качестве «петербургской повести». Можно предположить, что удивительно обостренно-интуитивное воображение Кафки, которое помогло ему в будущем воссоздать на страницах романа образ Америки, где он никогда не бывал, способствовало и обостренному восприятию Петербурга. И город действительно, как пишет А. И. Жеребин, был «прочно связан для Кафки с предчувствием грядущей революции» (ЖЕРЕБИН 2023: 318). На глубинном мифопоэтическом уровне показано сближение с петербургским мифом — городом революции, водного хаоса, одиночества, краха карьеры. Указанные мифологемы проанализированы столь убедительно, что возникает уверенность в их обостренном восприятии самим Кафкой, и Петербург в этом небольшом рассказе перестает быть декоративной условностью, а выступает, как это началось с Достоевского и Диккенса, пол-

ноправным действующим лицом всего сюжета, городом-персонажем. Воссоздание сотериологической утопии, — а все основополагающие слагаемые жизни и смерти, падения и возвышения в рассказе присутствуют — не только включает текст Кафки в единое семиотическое поле русской литературы, но через Петербург приближает к сфере чувств и эмоций российского читателя.

Пронзительной фигурой финальных очерков книги становится Йозеф Рот и герой его романа *Иов* Мендель Зингер. Его путь из местечка в России в Америку, страну мечты, отнимает у него в итоге не только мечту, но и веру в жизнь. Новое отечество оказывается смертоносным. И это не просто смена локаций — России на Америку, — а перелом мировоззрения. Пройдя испытания Америкой, Мендель Зингер остается верным своей религиозно-эстетической утопии, которая, как кажется, частично осуществляется: неожиданно выздоравливает сын, становясь позднее гениальным музыкантом, а к Менделю возвращается утраченная вера. Утопизм же проявляется в том, что реалистический пласт постепенно заменяется принципом «чем поэтичнее, тем реальнее» (ЖЕРЕБИН 2023: 344). Однако все это есть лишь иллюзорное и временное спасение от жестокой и совершенно бесформенной реальности, которая накрыла мир после революций между двумя войнами. Точной метафорой характеризует А. И. Жеребин наступление постмодернизма, где «мифу пути» противостоит бесцельное блуждание «в необозримом пространстве постапокалиптической культуры, где под ногами лишь осколки разбитых мировоззрений и древки брошенных знамен» (ibid.: 380).

Эпоха модернизма, ярко освещенная в этом многогранном исследовании, потому, вероятно, и воспринимается как эпоха последней *воли к спасению* человечества, поскольку апеллировала к знакомым издревле мифологемам, вдребезги разбившимся об ужасы XX столетия, круша последние надежды на то, что утопия когда-нибудь станет реальностью. Осознание утопичности не как жанровой категории, а как синкретической природы всего модернизма углубляет наше познание текстов того времени, а через межкультурный диалог, который лейтмотивом про-

ходит через всю книгу, мы видим, как утопия, пусть ненадолго, но воплощалась в сознании писателей и нередко увлекала за собой читающую публику России и Германии, обещая новый и лучший мир.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Жеребин А. И. Место встречи — утопия. Из истории литературных отношении России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. [Zherebin, Aleksey I. (2023) *Mesto vstrechi — utopiya. Iz istorii literaturnykh otnosheniy Rossii, Germanii, Avstrii* (The Meeting Place is Utopia. From the History of Literary Relations between Russia, Germany, and Austria). Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian)].

Для цитирования:

Абрамов П. В. Воплощенная утопия как приглашение к диалогу. Рец. на кн.: *Жеребин А. И.* Место встречи — утопия. Из истории литературных отношении России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 507—513.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-507-513.

To cite this Review:

Abramov, Pyotr V. (2024) *Voploshchennaya utopiya kak priglasheniye k dialogu* (Embodied Utopia as an Invitation to Dialogue). Book Review: Zherebin, Aleksey I. (2023) *Mesto vstrechi — utopiya. Iz istorii literaturnykh otnosheniy Rossii, Germanii, Avstrii* (The Meeting Place is Utopia. From the History of Literary Relations between Russia, Germany, Austria). Saint Petersburg: Vladimir Dal', 421 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 507—513. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-507-513.

Рецензия поступила в редакцию 15.04.2024; принята к публикации 02.05.2024
The review was submitted 15.04.2024; accepted for publication 02.05.2024